

Андрей Медведев

для А. Якута

Одно из первых упоминаний о гуммиарабике я прочитал в дневниках Леонардо да Винчи, оказывается гумми использовали модники эпохи Возрождения для фиксации причесок. Художники разводили на нем краски, кондитеры делали карамели. Вкус почтовой марки или конверта знаком всем, кто отправлял письма.

«Гумми – арабик, $C^{12}H^{10}O^{10}$; аравийская камедь. Аморфные светло-желтые зерна или куски. В смеси с двуххромовокислым калием становится, после действия света, нерастворимым в воде. Служит основанием пигментного процесса». Подробное описание смотри в «Русском фоторафическом журнале» №1, стр. 6. 1887.

Пигментные процессы были изобретены еще во второй половине XIX века и первыми, кто стал их применять, были производители текстиля. Они использовали пигментную бумагу для изготовления печатных матриц. Чуть позже процессы с хромовыми солями были внимательно изучены фотографами-художниками. В конце XIX века эти открытия распространились в Европе, в том числе и в России, дошли до Америки и Японии. Художникам нравились возможности произвольного изменения изображения в ходе печати. Это делало авторский отпечаток уникальным и в то же время давало полную свободу в цвете, контрастности и фактуре. Гумми-печать, близкая по духу арт-нуво, быстро вошла в моду. Вена, Париж, Мюнхен, Прага, Лондон – вот города, где рождались новые стили, через окно в Европу свежие ветры попадали в Петербург и в Россию. «Киевское общество Дагера», Улитин, Саврасов, Трапани, Петров, Лобовиков из Вятки работали в пигментных техниках и очень ценили их пластические возможности, приближающие фотографию к рисунку, акварели или гравюре. Русские «аллюзионисты», как их называли, внесли художественные традиции Европы прошлых веков в новую индустриальную эру. Их авторские олеографии, гуммиарабики, бромойли являются редкими украшениями немногих коллекций. «Русский стиль» не единственное отличие наших фотографов начала века. А также они совершают новые открытия. Саврасов вместо гуммиарабика использует

другой коллоид – столярный клей. Результат оказался поразительным: за один раз отпечаток набирал большее количество пигмента, чем многократная гуммипечатать.

Война и русская революция ознаменовали конец золотого века фотографии. Работающей в благородных техниках фотограф рисковал прослыть «импрессионистом» и пропасть в лагерях как «буржуазный агент». Не все вписались в канву соцреализма. Лобовиков вовсе ушел в научную фотографию. Маленькие компании, выпускавшие уникальные сорта бумаги, готовившие химию и продававшие уникальные инструменты, быстро разорвались и уступали место массовому движению фотографов любителей. В середине XX века упоминание о пигментных процессах можно было найти только в толстых справочниках и словарях.

В 90-е годы XX века Санкт-Петербург, который недавно вернул себе старое имя, становится благодатной почвой для исследований преподавателей и студентов Новой Академии. Д. Егельский, Т. Новиков, А. Медведев, С. Макаров и Е. Остров, а также И. Вишняков изучают забытые фотопроцессы. Около года работы хватило, чтобы получить первые результаты. Дух город несомненно повлиял на успехи эксперимента. Красота фактуры гуммиарабиков, прозрачность, расплывчатые очертания силуэтов, мягкое свечение, мерцание – это и есть полярные белые ночи, охраняемые сфинксами, древними богами и ангелами. Застывшие кариатиды, покрытые инеем атланты перемещают нас на грань сна и реальности, а красота, то ускользает, то проявляется. Время возвращается.